

Правление Елизаветы Петровны в британской историографии XIX века**The reign of Elizabeth Petrovna in the British historiography of the XIX century***Артеменкова Ксения Павловна**Магистрант II курса**Институт истории**Санкт-Петербургский государственный университет**Россия, Санкт-Петербург**artemen-ksen@mail.ru**Artemenkova Ksenia Pavlovna**First-year master's student**Department of History**Saint Petersburg State University**Russia, Saint-Petersburg**artemen-ksen@mail.ru***Аннотация.**

Статья посвящена обзору британских исторических сочинений, затрагивающих те или иные аспекты царствования Елизаветы Петровны. В работе проанализированы оценки правления русской императрицы, а также её образ как личности и государыни. Прослеживается содержательная связь между историческими сочинениями XIX в. и справочными словарями, отчасти основанных на сочинениях историков, публицистов У. Кокса и У. Тука. Автор приходит к выводу о компиляционном характере трудов историков XIX в. Значительным достижением британской историографии XIX в. в области изучения царствования Елизаветы Петровны стала научная монография историка Р. Бейна, оказавшая влияние на британскую историографию о России в XX столетии.

Annotation.

The article is devoted to a review of British historical writings affecting various aspects of the reign of Elizabeth Petrovna. The paper analyzes the assessments of the reign of the Russian Empress, as well as her image as a person and a sovereign. There is a meaningful connection between historical works of the XIX century and reference dictionaries, partly based on the works of historians, publicists W. Cox and W. Tooke. The author comes to the conclusion about the compilation nature of the works of historians of the XIX century. A significant achievement of British historiography of the XIX century in the field of studying the reign of Elizabeth Petrovna was a scientific monograph by historian R. Bain, which influenced British historiography about Russia in the XX century.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, британская историография, Чарльз Мэйо, Уильям Андерсон, Томас Уиллкокс, Генри Тиррелл, Роберт Бейн.

Key words: Elizabeth Petrovna, British historiography, Charles Mayo, William Anderson, Thomas Willcocks, Henry Tyrrell, Robert Bain.

В 1810 г. в английском городе Бате под редакцией публициста, священника Чарльза Мэйо в свет вышел объемный труд «Краткий обзор Всемирной истории с 1753 года до Амьенского договора 1802 года», в хронологическом порядке рассматривающий наиболее важные процессы на международное арене и ключевые внутривнутриполитические события европейских стран, в той или иной степени влиявшие на ход всеобщей истории. Не случайно автор в разделе русской истории остановился и на смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. [16, р. 325], вследствие которой её наследник, император Петр III заключил мирный договор с Фридрихом Великим в 1762 г., обесценив все победы русской армии с 1757-1761 гг. Однако Мэйо интересовало не только международное положение России после смерти Елизаветы, но и сама личность покойной императрицы. «Краткий обзор» представил читателю портрет императрицы как легкомысленной, распущенной падкой на удовольствия особы, не способной управлять огромной империей. Автор пассажа не стремился очернить память русской государыни, а скорее с сожалением замечал, что «чрезмерная любовь к удовольствиям не только бросала тень на ее добродетели, но в какой-то мере разрушала их действие». Подобное мнение затрагивало популярный

для британских публицистов вопрос уголовного законодательства при Елизавете. Причину распространенной практики зверских пыток, обесценивавших введенный императрицей мораторий на смертную казнь, он видел не в жестокости Елизаветы, а в её праздном характере правления, которое привело к всевластию министров, подписывавших «ужасные наказания» [16, р. 326]. Личность Елизаветы и её праздное правление, по мысли британца, были важны и актуальны для всемирной истории как отрицательный, но поучительный пример для всех прочих представителей монархической власти: «И размышления о Елизавете могли бы сослужить большую службу потомству, если бы другие принцы, обладающие теми же необходимыми качествами величия <...> научились бы у нее не позволять себе отвлекаться от должного внимания к обязанностям управления государством» [16, р. 327].

В первой половине-середине XIX в. в Великобритании продолжали издавать общие труды по истории России с древнейших времен, в том числе те, которые затрагивали события царствования Елизаветы Петровны. Однако подобные сочинения не вносили кардинальных изменений в историографическую ситуацию о российской императрице и являлись своего рода переработкой содержания более ранних трудов британских и западноевропейских авторов. Среди известных компиляций первой трети XIX в. можно выделить книгу британца Уильяма Андерсона «Очерки истории и современного состояния Российской империи», опубликованную в Лондоне в 1815 г. [7, р. 167-185]. Для написания обзорного сочинения автор в большей степени использовал информацию о российской истории из «Путешествий» У. Кокса, вероятно, издания 1802 г. и 1784 г. (рассказ о ссылке Брауншвейгского семейства, о личности Елизаветы Петровны) [10, р. 3, 45-68; 11, р. 519-522], отчасти он опирался на материалы книги Ч. Мэйо (участие России в Семилетней войне) [7, р. 182]. Вторым трудом подобного рода является «История России от основания Империи Рюриком до наших дней» британского автора Т. Уиллкокса [20, р. 388-402]. Во введении британец отметил работы, на основе которых был составлен его труд. В частности, для описания елизаветинского царствования им были использованы известные сочинения У. Тука [18] и У. Андерсона [7, р. 183-184]. Работу Уиллкокса, как и упомянутого У. Андерсона, нельзя назвать исследовательской, а скорее компиляторской. Автор рассмотрел такие сюжеты правления Елизаветы Петровны как изгнание и арест Брауншвейгского семейства [20, р. 288-291], Семилетняя война [20, р. 395-401], характеристика противоречивого образа жизни Елизаветы (сочетание религиозности и любовных страстей) [20, р. 402]. Описание всех перечисленных явлений российской истории было практически полностью заимствовано У. Андерсона либо в форме пересказа, либо отчасти в полном воспроизведении его «Очерков истории» [7, р. 171-177, 180-182, 183-184]. Отдельные сведения (положение гвардейцев после 25 ноября 1741 г. [20, р. 394], наказания в Российской империи [20, р. 401-402]) были взяты из «Истории России» Тука 1800 г. [18, р. 278, 287, 331-332].

По сравнению с вышеперечисленными практически сходными по содержанию работами в историческом труде Г. Тиррелла от 1859 г. «История Российской Империи: от ее основания Пиратом Рюриком до прихода на престол императора Александра II» [19, р. 218-235] было представлено иное изложение истории царствования Елизаветы Петровны. Автор вновь обратился к подробному рассказу о восшествии дочери Петра на престол 25 ноября 1741 г. Тиррелл развил вопрос об обстоятельствах, которые способствовали приходу Елизаветы к власти. По его мнению, то было слабое регентство ленивой и бездарной Анны Леопольдовны, не имевшей поддержки среди русского народа и не способной долго удержаться на троне [19, р. 220]. Непопулярность Брауншвейгской фамилии он, прежде всего, объяснял её иностранным происхождением, ненавистным русским. Видно, что подобные оценки Тиррелла формировала историческая или мемуарная литература, попавшая под влияние елизаветинской пропаганды, создавшей представление о том, что правления Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны – мрачный период засилья иностранцев и немцев. Схожую точку зрения отстаивал и британец: «Русское население не испытывало никакой привязанности ни к малолетнему императору, отец которого был

немцем, ни к его матери», являвшейся «дочерью немецкого князя», и в регентство не способной к управлению империей Анны «неприятель, которую русские питали к иностранцам, разгорелась с еще большей силой» [19, р. 220] – утверждал автор. В сложившейся обстановке русский народ стал симпатизировать Елизавете, так как она «была русской по происхождению, <...> ближе по крови к престолу, чем младенец Иван, и была прямым потомком знаменитого и популярного государя (Петра I. – *К.А.*)». Однако главную силу «революции» Тиррелл видел не в народе, а в «придворной группировке», имея в виду заговорщиков во главе с Лестоком. В целом описание участников заговора, подготовка и ход переворота в сокращенном варианте повторяло текст У. Тука [18, р. 260-272; 19, р. 220-222].

Тиррелл разделял взгляды конца XVIII-XIX вв. на личность Елизаветы Петровны. Можно сказать, что в своей позиции о неспособности Елизаветы управлять империей, на отсутствие у нее подлинного милосердия и о её распутности он соединил оценки предшественников, хотя нельзя говорить о том, что Елизавета была только негативно представлена в его «Истории Российской Империи». Критика касалась не только самой Елизаветы, но и её ближайшего окружения. Текст гласил, что «фавориты и любовники новой императрицы, по большей части неспособные и вульгарные люди». Тем не менее он верно указывал на, что часть обласканной «свиты» Елизаветы постепенно была отстранена от влияния на власть (к примеру, Лесток), а заслуга монархини заключалась в том, что она привлекла к управлению страной не бездарностей, а незаурядных личностей, среди них автор выделил только А.П. Бестужева-Рюмина: «Великий канцлер бестучеф (Бестужев-Рюмин. – *К.А.*) стал ее главным министром, и главные дела империи находились в его ведении» [19, р. 223]. Он повторял мысли ранних сочинений о половинчатости указа об отмене смертной казни, поскольку наказания часто сулили летальный исход для преступников: «страдаец часто умирал в результате безжалостных наказаний, которые ему приходилось терпеть». Мучительные пытки, система шпионажа, сведение личных счетов императрицы с её обидчиками убеждали Тиррелла в отсутствии у Елизаветы настоящего человеколюбия: «ей многие воздавали хвалу за милосердие, но по справедливости ради, о ней можно сказать только то, что она была добродушной по отношению к тем, кто имел счастье угодить ей».

Тиррелл определенно включал русскую императрицу в ряд отрицательных монархов, мало сделавших для своего государства: «Она была одним из тех сравнительно отрицательных персонажей, которые приносят мало вреда и еще меньше пользы». «Ленивая» Елизавета, в восприятии британца, не могла «прийти к какому-либо собственному суждению» касательно государственных дел. Автор также проводил мысль, что интересы императрицы не выходили за рамки её увлечений: любовных утех, сплетен и слухов о чужих «любовных похождениях», вечеров в опере и театре. Рассуждая о мнимой духовности Елизаветы, он видел в соблюдении ею религиозных предписаний не проявление набожности, а суеверие: «Таково было ее суеверие, что распутства и самые бесстыдные оргии чередовались с молитвами». Тиррелл открывал британскому читателю еще одну сторону жизни Елизаветы, отвлекавшую её от государственных дел – её расточительность на предметы туалета, любовь к пышным и роскошным нарядам. Он подмечал, что она была одновременно и законодателем, и «тираном» моды при русском дворе [19, р. 233-234].

Весомую долю в труде Тиррелла заняла история Семилетней войны. Но сочинитель рассмотрел участие России в масштабном военном конфликте середины XVIII в. с другого ракурса. Если для авторов второй половины XVIII-первой половины XIX вв. центральным действующим участником войны была Россия, то для Тиррелла, опиравшегося на книгу английского историка Т. Маколея, главной фигурой являлся прусский король Фридрих Великий, его дипломатическая и военная карьера в период Семилетней войны. Вследствие такого подхода история военных действий русской армии в труде «Российской Империи» получила лишь эпизодическое освещение. Четкой позиции о её действиях Тиррелл не высказывал, но в отличие от Тука, он не очернял русских

в Семилетней войне. Автор, следуя за мыслями упомянутого британского писателя конца XVIII в., из причин вступления России в войну выделял обиду Елизаветы на Фридриха за его «непристойные шутки», а также возможность выгодных присоединений для России в Курляндии, польских провинций [19, р. 226]. Хотя в отношении того, что Елизавета понимала стратегическую для России важность Семилетней войны, автор себе противоречил, считая, что во внешней политике императрица руководствовалась мотивами «совершенно личного характера» [19, р. 234].

В конце XIX столетия в британской исторической науке созрели условия для подготовки и публикации первой научной монографии, посвященной Елизавете Петровне и эпохе её правления. В 1899 г. в свет вышла книга одного из первых британских славистов, переводчика и историка, изучавшего русскую историю XVIII в. Роберта Нисбета Бейна «Дочь Петра Великого; история русской дипломатии и русского двора при императрице Елизавете Петровне, 1741-1762» [8]. Р. Бейн известен британской общественности как полиглот, переводчик иностранной литературы, в частности русских сказок на английский язык, а также как составитель материалов для энциклопедии «Британника». Его карьера была связана с Британским музеем, а интересы в области истории касались, главным образом, России, Швеции и Польши в XVIII в. Научные усилия британца привели его к публикации в конце XIX-начале XX вв. помимо указанной монографии и ряда других ценных исторических трудов: «Петр III. Император России. История кризиса и преступления», «Густав III и его современники 1746-1792 гг.», «Славянская Европа: политическая история Польши и России с 1447 по 1796 год» и других [19, р. 318-319].

Первую часть обширной источниковой базы историка составила дипломатическая и военная корреспонденция, переписка глав внешней политики Бестужева-Рюмина и Воронцова, почерпнутая автором из «Архива князя Воронцова», бумаг Шувалова, опубликованных в сборнике Русского исторического общества. Стоит отметить, что именно «Архив князя Воронцова» стал для британского историка наиболее используемым ресурсом материалов. Обращался историк и к политической корреспонденции Екатерины II, Фридриха Великого. Вторая часть охватывала мемуары, дневники современников елизаветинского царствования. Бейн упоминает записки князя Я.П. Шаховского, А. Болотова, Миниха, мемуары Екатерины II. В третью часть вошли депеши иностранных посланников при русском дворе: саксонского дипломата Пецольда, маркиза де ла Шетарди, британца Э. Финча, опубликованные в Русском историческом обществе. Также определенным новаторством стало введение в научный оборот Бейном неопубликованных источников из британского архива: депеши британских политиков К. Вича, лорда Хинфорда, лорда Тайроули, Г. Диккенса, Уильямса. Круг подобранных автором исторических свидетельств, ориентированных, в первую очередь, на раскрытие специфики внешней политики елизаветинской России, объясняется главной направленностью книги – Россия в системе международных отношений в годы Семилетней войны [8, р. 15-18].

Исторические исследования русских авторов стали опорой Бейна в реконструкции как внешней, так и внутренней политики Елизаветы. То были общие труды по истории России С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова. Важно заметить, что основные исторические труды, которыми пользовался Бейн, были подготовлены российскими историками, а британская историография не была включена ученым в библиографический список, которая, вероятно, в его представлении, являлась поверхностной. Исходя из этого положения, основную актуальность своей работы он видел не только в отсутствии научных трудов о елизаветинской России, но и вследствие того ощутимую непросвещенность британского читателя, и в особенности студента-историка относительно той эпохи. Бейн писал, что «даже в самых осведомленных кругах (в Великобритании. – К.А.), преобладает недостаток знаний о жизни и характере принцессы (Елизаветы Петровны. – К.А.) <...>. Осмелюсь утверждать, что ни один из ста наших студентов-историков никогда не слышал об Алексее Бестужеве (А.П.

Бестужева-Рюмина. – *К.А.*)» [8, р. 11]. Основную цель, которую автор преследовал реализовать в книге, – осветить историю русской дипломатии с 1740-1761 г. Такой подход к истории царствования Елизаветы Петровны обусловил и структуру его работы: главы, посвященные дипломатической предыстории Семилетней войны, военные действия русской армии с 1757-1761 гг., занимали половину объема книги «Дочь Петра Великого». Важным моментом для Бейна было и описание окружения Елизаветы Петровны и политической обстановки при русском дворе. Личность Елизаветы Петровны отходила, таким образом, на второй план, а внутренние преобразования страны в годы её царствования освещались автором в наименьшей степени.

Отдельную главу Бейн посвятил перевороту 25 ноября 1741 г. Бейн основывал свое повествование о «бескровной революции», с одной стороны, на традиционных источниках, так или иначе в оригинале или в форме пересказа уже известных части британских авторов – это депеши Шетарди, мемуары Манштейна (по фактологии история переворота Бейна отчасти совпадает с «Историей России» У. Тука и его компиляторами). С другой стороны, Бейн выработал отличный от британской историографии XIX в. взгляд на Елизавету. В основном, предыдущие авторы XIX в. рисовали её как не энергичную, подчиненную только воле и плану Лестока наследницу престола. Бейн вернулся на позиции прославления дщери Петра Великого, по его мнению, она не была безвольной «куклой» в руках заговорщиков, а активным и грамотным участником заговора, имевшего свою определенную линию, которая заключалась в осторожности и продуманности действий. Большинство действий, операций заговорщиков в преддверии их продвижения к Зимнему дворцу он связывал с волей Елизаветы, именно она, в восприятии историка, играла руководящую роль в перевороте, что подтверждает характеристика действий императрицы в момент её вступления вместе с гвардейцами в Зимний дворец: «Елизавета, как благоразумный генерал, – писал историк, – продолжила собирать и распределять силы для последнего штурма (ареста Брауншвейгского семейства. – *К.А.*)» [8, р. 57]. Таким образом, Бейн видел в восшествии Елизаветы на престол восстановление справедливости, а также придерживался точки зрения, что и русское общество было патриотически настроено по отношению к новой государыне, которая снискала любовь народа и «была принята с громким взрывом восторга, подобного которого не было слышно в Петербурге со времени смерти Петра Великого» – писал историк [8, р. 61]. Автор монографии «Дочь Петра Великого» заимствовал часть материалов у С.М. Соловьева. Следовательно, можно утверждать, что отчасти на идеализацию Бейном Елизаветы Петровны повлиял и текст русского историка, который в сходном ключе описывал свершение «революции» [6, с. 123-128]. Позитивная характеристика личности Елизаветы как во время переворота, так и в целом в период её царствования была связана с убеждением автора, что императрица являлась воплощением своего отца и переняла от него часть таких лучших качеств как отвага [8, р. 54] «здравые и пронизательные суждения и дипломатический такт» [8, р. 71].

Четвертая и шестая главы монографии были посвящены описанию характера императрицы и её личной жизни. Восприятие нравственного облика Елизаветы Петровны разнилось с трактовками других британских публицистов и историков, отрицавших подлинную доброту и милосердие Елизаветы. Ранние авторы мало приводили те свидетельства современников императрицы, в особенности дипломатов, рассказывавших о её добродушном нраве. А преимущественно акцентировали внимание читателя на идее, что российская императрица не могла быть гуманной правительницей, поскольку по истине милосердный и цивилизованный правитель не допустит варварских обычаев экзекуций в своей стране, несправедливой системы шпионажа и жестокой мести в отношении своих обидчиков как то было в случае с Н.Ф. Лопухиной и А.Г. Бестужевой. Бейн же, ссылаясь на слова Шетарди о добродушии Елизаветы, настаивал, что самой значимой чертой её характера «была естественная доброта, выражавшаяся в готовой учтивости, в импульсивном сочувствии, которое шло прямо из сердца» [8, р. 134]. Часть выводов о доброте императрицы Бейн делал на основе отдельных данных и

связывал их именно с милосердием Елизаветы. Он писал, что «она позаботилась о том, чтобы ее солдаты были так хорошо одеты, что потери от непогоды были почти неизвестны <...> получив известие о землетрясении в Лиссабоне, она предложила восстановить часть города за свой счет» [8, р. 135]. Присутствовала в книге Бейна в качестве аргумента чувства сострадания Елизаветы цитата из записок Миниха [5, с. 314] о слезах императрицы о пролитой крови русских солдат в годы Семилетней войны. Полностью противоречило взглядам ранних британских исторических сочинений утверждение Бейна о том, что императрица «позаботилась о том, чтобы смягчать каждую смертную казнь» [8, р. 135]. Можно сказать также то, что Бейн не оценивал Елизавету как лицемерную христианку, у которой молитвы сменялись любовными похождениями, он не противопоставлял религию и любовь в жизни императрицы, хотя и подмечал её склонность к амурным увлечениям, проявлявшуюся «без малейшей сдержанности» [8, р. 70]. Без сомнения то, что Бейн пытался более мягко оценить такую особенность личной жизни императрицы и считал, что только в начале царствования Елизавета была склонна предаваться любовным утехам, а далее «умерила свою распущенность сильной дозой аскетизма» [8, р. 142].

Совпадает точка зрения автора с предшествующей британской исторической литературой, что Елизавета Петровна не испытывала особой тяги к государственным делам. Историк обнаруживает у императрицы такие отрицательные качества как «лень», «невежество», скорее не образованность: «Часто она оставляла самые важные документы непрочитанными и неподписанными целыми месяцами». Однако у автора и в этом вопросе вновь проскальзывает желание найти разумные мотивы в медлительности Елизаветы в отношении государственных дел. Так, он, вдохновляясь, прежде всего, высказыванием С.М. Соловьева, отмечал, что Елизавета старалась быть рассудительной в рассмотрении какой-либо государственной проблемы: «ее неразвитость не всегда была вызвана ленью, а сознательным стремлением рассмотреть сомнительные вопросы со всех возможных позиций» [8, р. 137]. Бейн более подробно, чем Тиррелл [19, р. 235] развил в монографии тему роскоши петербургского двора. Историк отрицательно расценивал подобные обычаи придворной жизни елизаветинского царствования. Во-первых, он видел в страсти Елизаветы к дорогим пышным нарядам, украшениям и увеселениям расточительство, во-вторых, отсутствие чувства меры, свойственного, как, вероятно, мог иметь в виду историк, западноевропейским монархам, а Елизавета, напротив, в своей расточительности и неумеренности походила на «полудикого азиата» [8, р. 138]. В-третьих, укор автора в сторону Елизаветы касался того, что такой блистательный двор портил нравы высшего русского дворянства: «двор Елизаветы был не только самым расточительным, но и самым распущенным в Европе, и за это тоже императрица должна была нести главную ответственность» – гласил текст британского исследователя [8, р. 142]. Таким образом, нельзя сказать, что Бейн полностью идеализировал Елизавету Петровну. Он подчеркивал и свойственные императрице недостатки и как человека, и как государыни, однако на фоне британской историографии XIX в., резко избалованной пороки Елизаветы, его отношение к российской императрице выглядит более снисходительным.

Для Бейна царствование Елизаветы Петровны стало знаменательной эпохой не только в истории России, но и в истории Европы, поскольку именно в период правления дочери Петра Великого Российская империя заняла особое место в системе европейских государств и стала влиять на решения общеевропейских дел [8, р. 11; 1, с. 121, 121-143]. И историю елизаветинской России с 1750-1761 гг. Бейн раскрывал практически только с точки зрения её участия в европейской дипломатии и в военных действиях с 1757 г. Автором была представлена портретная галерея европейских дипломатов и политиков периода Семилетней войны, однако лицам, представлявшим внешнюю политику Елизаветы за исключением А.П. Бестужева-Рюмина, в описании историка отводилось меньшее место, чем европейским дипломатам [8, р. 161-179]. Для Бейна во внешней политике России ключевой фигурой являлся канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, в лице которого, по мнению историка, и была воплощена елизаветинская Россия, с позицией которой западным державам пришлось считаться [8, р. 11]. В двух

главах, посвященных периоду 1750-1756 гг., в задачу Бейна входило дать представление читателю о сложных, запутанных механизмах действия не только русской, но и европейской дипломатии в преддверие Семилетней войны. Автор подготовил пространный фактологический материал о дипломатическом взаимодействии европейских держав в этот период, главным образом, англо-русских отношений. Однако Бейн в монографии практически не высказывал общих оценок внешней политики России на разных этапах в канун общеевропейской войны. Тем не менее историк выразил свое мнение насчет разрыва России с Англией в 1756 г., считая такой поворот во внешней политике Елизаветы весьма верным. Он писал, что «Елизавета Петровна и большинство ее советников справедливо рассматривали Вестминстерский договор (1756 г. – *К.А.*) между Великобританией и Пруссией как совершенно ниспровергающий прежние соглашения между Великобританией и Россией» [8, р. 194].

Русская армия в Семилетней войне отнюдь не идеализируется Бейном. Основываясь на данных военного историка Масловского [4], мемуарах А. Болотова [2; 3] (при описании Гросс-Егерсдорфского сражения), автор вскрывает проблемы, обстоятельства, которые препятствовали и затрудняли успех её военных операций. В первую очередь, он, на примере Апраксина, Салтыкова, выделяет противоречия, конфликтные ситуации, складывавшиеся между главнокомандующими и петербургским двором. Действия русских военачальников, по сути дела, сковывались указаниями кабинетных стратегов Петербурга, однако Бейн скорее оправдывал и одобрял такую кабинетную политику, полагая, на примере 1760-1761 гг., что петербургский двор не зря сетовал на отступающую, медлительную русскую армию [8, р. 283, 287]. Во-вторых, он отмечает и отсутствие должной военной подготовки русской армии и талантливых военачальников на примере сражения при Гросс-Егерсдорфе [8, р. 216-217]. В-третьих, Бейн показывает и нараставшие на протяжении всей войны противоречия между Петербургом, Версалем и Веной [8, р. 283-285].

В восприятии Бейна главную роль в военных действиях против Фридриха II среди союзников играла Россия. Ученый именно в русской императрице после А.П. Бестужева-Рюмина, отправленного в отставку в 1758 г., видит главу внешней политики в последующие годы Семилетней войны, на этот счет он уверенно заявил, что «она была вынуждена стать в значительной степени министром иностранных дел». Подобная трактовка роли императрицы в Семилетней войне была новой для историографии. Для британского историка Елизавета Петровна среди союзников была главным проводником стратегии по сокрушению прусского короля. По мнению автора, желание Елизаветы довести войну до победного конца происходило из-за осознания опасности сильной Пруссии, которая непременно должна быть ограниченной в размерах и стать безвредной «для своих соседей» [8, р. 287]. Таким образом, Бейн во время Семилетней войны разглядел в русской монархии талантливого государственного деятеля, он наделял Елизавету качествами и опытного дипломата, и твердого политика, поскольку Версальский союз (Россия, Австрия, Франция) существовал во многом благодаря её воле: «с конца 1759 года до конца 1761 года непоколебимая твердость русской императрицы была той сдерживающей политической силой, которая удерживала вместе разнородные <...> элементы антипрусской комбинации и не давала ей рухнуть перед ударом катастрофы» [8, р. 286].

Несмотря на отдельные критические замечания британского историка относительно личности Елизаветы Петровны и её правления, в целом елизаветинская Россия для Бейна символизировала великую эпоху, несправедливо не оцененную британскими публицистами и историками XVIII-XIX вв. Бейн, положительно характеризуя царствование Елизаветы, мыслил в духе елизаветинской патриотической пропаганды. Во-первых, её правление возвеличивалось на фоне мрачного времени Анны Иоанновны, ставшего для британца символом засилья немцев, иноземного ига, «гораздо более тягостного, чем татарское иго». Также Елизавета Петровна стала продолжателем политики «прославленного отца». Бейн аргументировал спорными положениями, что для Петра

– «Россия для русских», и именно такому принципу национальной политики следовала и его дочь, ставшая назначать на государственные должности русских сановников, смещая иностранцев. Для британского слависта важное значение елизаветинского царствования заключалось и в том, что оно заложило основу внешнеполитического успеха Екатерины II и подготовило плеяду талантливых государственных деятелей и полководцев: «Все великие военачальники, все великие дипломаты "вечно победоносной Екатерины", такие люди, как Румянцев, Суворов, Репнин, Безбородко, Панины и Голицыны, воспитывались в школе Елизаветы Петровны <...> никогда не следует забывать, что она (Екатерина II. – К.А.) получила их всех из рук дочери Петра Великого» [8, р. 314-315] – подводил итог Роберт Бейн в книге о Елизавете Петровне.

Историческая литература XIX в. об истории России развивала идеи о распутности Елизаветы Петровны, о её неспособности управлять государством. Историки указывали на не гуманное уголовное право в елизаветинской России, исходя из этого, не приписывали дочери Петра Великого такие качества как милосердие и добродушие. Свообразием исторических сочинений о Елизавете были приводившиеся их авторами разного рода факты о наличии у императрицы детей: за правду выдавался и миф о княжне Таракановой как дочери Елизаветы Петровны. Авторы по большей части не оговаривали происхождение подобных сведений, что в целом свидетельствовало об отсутствии у них критического подхода к изучаемым материалам. Подобная тенденция восприятия Елизаветы Петровны в XIX в. объясняется схожестью их основных источников: сочинения Кокса, Тука. Как правило, часть сочинений таких как У. Андерсона, Т. Уилкокса являлись компиляциями. Ресурсами заимствований были как сочинения авторов XVIII в., так и новейшие публикации в XIX в., к примеру, «Краткий обзор» Ч. Мэйо. Повторения существовали в форме пересказа или идентичного копирования текста оригинала с заменой тех или иных слов синонимами. Тем не менее данный этап не был полностью представлен аналогичными по содержанию работами. Исключением выступала книга Тиррелла «История Российской Империи», в которой автор использовал новые источники, затронул не разработанные проблемы роскоши петербургского двора, собственной расточительности Елизаветы Петровны. Общими сюжетами рассмотрения являлись также переворот 25 ноября 1741 г., русско-шведская война (1741-1743), Семилетняя война. В основном, восшествие императрицы в исторических нарративах воспринималось как справедливое, легитимное явление в российской истории, а внешняя политика императрицы также не получала негативных оценок. Внутренняя политика традиционно не раскрывалась авторами за исключением отдельных сюжетов и упоминаний из сферы культурного развития России в середине XVIII в.

Крутой поворот в британской историографии произошел благодаря интенсивной исследовательской деятельности английского историка Р. Бейна, издавшего в 1899 г. книгу «Дочь Петра Великого; история русской дипломатии и русского двора при императрице Елизавете Петровне, 1741-1762» [8]. Работа Бейна кардинально отличалась от сочинений предшественников. Во-первых, монография «Дочь Петра Великого» носит во многом научный характер, поскольку историк активно работал с зарубежной, русской историографией, а также привлек немалый по меркам того времени, тем более для иностранного автора, источниковый материал. Во-вторых, автор высказал новые оценки царствования Елизаветы, также образ императрицы приобрел положительный окрас в описании Бейна. Безусловно и то, что этот труд оказал влияние на развитие британской историографии в XX в.: а именно на работы историков Ф. Лонгворта [15], Т. Райс [17], а также на содержание справочных британских изданий (главным образом на энциклопедию «Британника»), публиковавших статьи о Елизавете Петровне в первой половине XX столетия [12;13;14].

Список используемой литературы:

1. Анисимов М.Ю. Елизаветинская Россия и международные конгрессы в середине XVIII века // Новая и Новейшая история. №1. М., 2018. С. 121-143.

2. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Том первый. Части I-VII // Приложение к Русской старине. СПб.: Печатня В. Головина, 1870. 1017 с.
3. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Том второй. Части VIII-XIV // Приложение к Русской старине. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. 1120 с.
4. Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1-й. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756-1757 гг.). М.: Типография Окружного штаба, 1886. 678 с.
5. Миних Б.Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубровина, 1997. С. 273-319.
6. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга пятая. Том XXI-XXV. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851-1879. 782 с.
7. Anderson W. Sketches of the History and Present State of the Russian Empire. London: Printed for Gale, Curts, and Penner, 1815. 439 p.
8. Bain R. The Daughter of Peter the Great; a History of Russian Diplomacy and of the Russian Court under the Empress Elizabeth Petrovna, 1741-1762. Westminster: Archibald Constable & Co, 1899. 328 p.
9. Bain, Robert Nisbet // Oxford Dictionary of National Biography. Vol. 3. Oxford, 2004. P. 318-319.
10. Coxe W. Travels in Poland, Russia, Sweden, and Denmark. Vol. III. London: Printed for T. Cadell, Jun. and W. Davies, 1802. 404 p.
11. Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Volume the first. London: Printed by J. Nichols, 1784. 590 p.
12. Elizabeth (Petrovna) // The Encyclopaedia Britannica a Dictionary of Arts, Sciences, Literature and General Information. Vol. IX. New York: The Encyclopaedia Britannica company, 1910. P. 283-284.
13. Elizabeth [Petrovna] // The Encyclopedia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge. Vol. 8. Chicago: Encyclopedia Britannica Inc., 1945. P. 362-363.
14. Elizabeth [Petrovna] // The Encyclopedia Britannica. A New Survey of Universal Knowledge. Vol. 8. London: Publ. by Encyclopaedia Britannica, 1959. P. 362-363.
15. Longworth P. The Three Empresses. Catherine I, Anne and Elizabeth of Russia. New York, Chicago, San Francisco: Holt, Rinehart and Winston, 1973. 242 p.
16. Mayo C. A Compendious View of Universal History, from the Year 1753 to the Year 1753 to the Treaty of Amiens in 1802. Vol. I. Bath: printed by S. Hazard, 1804. 542 p.
17. Rice T. Elizabeth, Empress of Russia. New York, Washington: Praeger Publ., 1970. 231 p.
18. Tooke W. History of Russia: From the Foundation of the Monarchy by Rurik, to the Accession of Catharine the Second. Vol. II. London: Printed by A. Straban, Printers-Street, 1800. 528 p.
19. Tyrrell H. History of the Russian Empire: from its foundation, by Ruric the Pirate, to the Accession of the Emperor Alexander II. London and New York: the London printing and publishing company, 1859. 546 p.
20. Willcocks. T. History of Russia, from the Foundation of the Empire, by Rurik, to the present Time. Devonport: W. Byers, bookseller to his majesty, fore-street, 1832. 548 p.